

Оглавление

Пролог	9
Книга первая. ГАМБИТЫ	15
Книга вторая. МИТТЕЛЬШПИЛЬ	249
Книга третья. ЭНДШПИЛЬ	529
Эпилог	924

Посвящается Эду Брайанту

Благодарности

К любой книге, благополучно преодолевшей Мировой Океан между замыслом и публикацией, приложил руку далеко не только сам автор, а уж с романом такого размаха и величины долг благодарности накапливается и вовсе огромный. Хотелось бы отметить тех, без кого «Темная игра смерти» пошла бы на дно в первый же шторм и никогда бы не достигла спасительной гавани:

Дина Кунца — за моральную поддержку, сколь щедрую, столь и своевременную;

Ричарда Кёртиса — за стойкость и профессионализм;

Пола Микола — за безупречный вкус и крепкую дружбу;

Брайана Томсена — за любовь к шахматам и уважение к истории;

Саймона Хоука, оружейника в духе Джеффри Бутройда¹;

Арлин Теннис, машинистку от бога, — за жаркие летние дни, потраченные на борьбу с предпоследними вариантами поправок к поправкам;

Клодию Логерквист, терпеливо напоминавшую о том, что умляюты и диакритические знаки негоже рассыпать где попало, как соль;

Вольфа Блитцера из «Джерусалем пост» — за помощь в отыскании лучшего фалафельного киоска в Хайфе;

Эллен Датлоу, которая утверждала, что у повести не может быть продолжения.

И отдельной благодарности заслуживают:

Кейти Шерман, радостно пошедшая на творческое сотрудничество по первому свистку и за смешные деньги;

моя дочь Джейн, две трети своей жизни терпеливо дожидавшаяся, когда же папочка «допишет страшную книгу»;

Карен, которой не терпелось узнать, что же будет дальше.

И наконец, моя самая искренняя признательность Эдварду Брайанту, настоящему джентльмену и отличному писателю, которому эта книга и посвящена.

---

¹ *Джеффри Бутройд* (1925–2001) — английский писатель и эксперт по оружию; однажды помог советом Яну Флемингу, за что последний дал его имя оружейнику в бондиане, известному как Q.

О нет, утеха падали, не буду
отчаиваться или упиваться
тобой — не буду
распускать на пряди
последние, хоть слабенькие, жилы,
на чем держусь я — человек,
не крикну
в последней устали:
«Я больше не могу...»

Джерард Мэнли Хопкинс

Пролог

Хелмно, 1942 г.

Сол Ласки лежал среди обреченных на скорую гибель в лагере смерти и думал о жизни. Во тьме и в холоде его пробрала дрожь, и он заставил себя вспомнить в подробностях весеннее утро — золотистый свет на тяжелых ветвях ивы у ручья, белые маргаритки в поле за каменными строениями дядиной фермы.

В бараке было тихо, только иногда кто-нибудь с натугой кашлял да тихонько копошились в холодной соломе живые трупы, тщетно пытаясь согреться. Где-то заперхал старик, забился в конвульсиях, и стало ясно, что вот еще один проиграл долгую и безнадежную схватку. К утру старик будет мертв, а если и переживет ночь, то не сможет выйти на утреннюю переключку на снегу, а это значит, что все равно ему конец, и очень скорый.

Сол отодвинулся подальше от спящего света прожектора, который бил сквозь разрисованное морозом стекло, и прижался спиной к деревянной стойке нар. Сквозь жалкую одежду он ощутил, как в спину и в кожу на ребрах впились занозы; от холода и усталости задрожали ноги, и он ничего не мог с этим поделать. Сол обхватил свои костлявые колени, сжал их и так держал, пока дрожь не прекратилась.

«Я выживу». Эта мысль была приказом, и он вбил его так глубоко в сознание, что даже изможденное, покрытое язвами тело не могло одолеть его волю.

Несколько лет назад, целую вечность назад, когда Сол был мальчишкой, а дядя Моше обещал взять его на рыбалку на ферму под Краковом, Сол выучился одному приему: прямо перед тем, как заснуть, он представлял себе гладкий овальный камень, на котором записывал тот час и ту минуту, когда ему надо было встать. Потом он мысленно бросал камень в прозрачную воду пруда и смотрел,

как тот опускается на дно. И всякий раз на следующее утро он просыпался точно в назначенный час, бодрый и полный жизни; он дышал прохладным воздухом и наслаждался предрассветной тишиной все то короткое и хрупкое время, пока не проснутся брат и сестры и не нарушат почти совершенное блаженство.

«Я буду жить». Сол крепко зажмурился и пристально смотрел, как камень падает в прозрачной воде. Его снова затрясло, и он еще крепче вжался в угол нар. В тысячный раз он попытался зарыться поглубже в эту соломенную яму. Когда рядом сидели старый пан Шиструк и этот парень, Ибрагим, было лучше, но Ибрагима застрелили на шахте, а пан Шиструк два дня назад упал в каменоломне и отказался встать, даже когда Глюкс, командир эсэсовцев, спустил на него собаку. Старик почти весело, хоть и слабо, взмахнул тонкой рукой, прощаясь с оцепеневшими заключенными, и тут немецкая овчарка вцепилась ему в горло.

«Я буду жить». В этой мысли ритм был сильнее самих слов, сильнее любого языка. Эта мысль шла контрапунктом всему, что Сол видел и испытал за пять месяцев в лагере. «Я буду жить». От этой мысли шли свет и тепло, пересиливавшие страх перед холодной головокружительной пропастью, которая все грозила разверзнуться внутри и поглотить его. Пропасть вроде того рва. Сол видел его. Он и другие рядом с ним забрасывали комьями холодной земли еще теплые тела; некоторые из них продолжали шевелиться: ребенок слабо двигал рукой, как будто махал кому-то на перроне или метался во сне, — а они кидали лопатами комья и разбрасывали известь из неподъемно тяжелых мешков. Охранник-эсэсовец сидел на краю рва и болтал ногами, его белые мягкие руки лежали на черном стволе автомата, на шершавой щеке белел кусочек пластыря — видно, порезался, когда брился. Белые обнаженные тела слабо шевелились, а Сол засыпал ров комьями грязи, и глаза его были красными от облака извести, висевшего в зимнем воздухе, как меловой туман.

«Я буду жить». Сол сосредоточился на мощи этого ритма и перестал обращать внимание на свои дрожащие руки и ноги. Двумя ярусами выше кто-то зарыдал в ночи. Сол чувствовал, как вши ползут по его рукам, по ногам, разыскивая место, где его холодеющее тело было теплее всего. Он еще плотнее сжался в комок, хотя понимал, что заставляет этих паразитов двигаться, — они подчинялись непреодолимому инстинкту, без мысли и логики: выжить.

Камень опустился еще ниже в лазурную глубину. Балансируя на грани сна, Сол рассматривал грубо нацарапанные буквы. «Я буду жить».

Вдруг глаза Сола распахнулись, в голове мелькнула мысль, от которой стало холоднее, чем от ветра, свистевшего сквозь неплотно прилегающую раму. *Третий четверг месяца*. Он был почти уверен, что сегодня третий четверг месяца. *Они* приходили по четвергам, в третий четверг. Но не всегда. Может быть, в этот раз их не будет. Сол закрыл лицо согнутыми в локтях руками и свернулся в еще более плотный клубок, как зародыш.

Он уже почти заснул, когда дверь барака распахнулась. Их было пятеро: два охранника-эсэсовца с автоматами, армейский унтер-офицер, лейтенант Шаффнер и молодой оберст, которого Сол никогда прежде не видел. У оберста было бледное арийское лицо, на лоб падала прядь светлых волос. Лучи фонариков побежали по рядам похожих на полки нар. Никто не пошевелился. Сол чувствовал, что это за тишина: восемьдесят пять скелетов затаили дыхание в ночи. Он тоже затаил дыхание.

Немцы сделали шагов пять вперед, холодный воздух облаком двигался перед ними, их массивные фигуры вырисовывались на фоне открытой двери, а вокруг ледяными клубами вился пар от дыхания. Сол еще глубже забился в хрупкую солому.

— *Du!*¹ — раздался голос.

Луч фонарика упал на человека в шапке и полосатой лагерной робе, сидевшего в углу нижних нар за шесть рядов от Сола.

— *Komm! Schnell!*²

Мужчина не шевелился, и тогда один из эсэсовцев рывком вытащил его в проход. Сол слышал, как по полу царапают голые ноги.

— *Du, raus!*³

Еще раз:

— *Du!*

Вот уже трое «мусульман» стоят невесомыми пугалами перед массивными фигурами немцев. Процессия остановилась за четыре ряда от нар Сола. Эсэсовцы обшарили фонариками средний ряд. В их свете блеснули красные глаза, как будто из полуоткрытых гробов уставились перепуганные крысы.

---

¹ Ты! (*нем.*)

² Иди! Быстро! (*нем.*)

³ Ты, выходи! (*нем.*)

«Я буду жить». Впервые это звучало как молитва, а не как приказ. Они никогда еще не забирали больше четырех человек из одного барака.

— *Du*. — Эсэсовец повернулся и направил луч фонарика прямо ему в лицо.

Сол не пошевелился. Он перестал дышать. Во всей вселенной не было ничего, кроме его собственных пальцев в нескольких сантиметрах от лица. Кожа руки была белой, как у личинки, и местами шелушилась, волоски на тыльной стороне ладони казались очень черными. Сол смотрел на эти волоски с чувством глубокого, благоговейного страха. Его рука почти просвечивала в луче фонарика. Он различал слои мышц, изящный рисунок сухожилий и голубых вен, мягко пульсировавших в одном ритме с бешено колотящимся сердцем.

— *Du, raus*.

Время замедлилось и повернуло вспять. Вся жизнь Сола, каждая секунда его жизни, все минуты упоения и банальные, забытые вечера — все вело к этому мигу, к этому пересечению осей. Губы его дернулись в мрачной полуулыбке. Он уже давно решил, что его-то они никогда не заставят выйти в ночь. Им придется убить его здесь, перед всеми остальными. Он заставит их сделать это, когда сам того захочет: ничего другого диктовать им он не мог. Сол совершенно успокоился.

— *Schnell!* — Один из эсэсовцев заорал на него, а потом оба шагнули вперед.

Ослепленный светом фонаря, Сол почувствовал запах мокрого сукна и сладковатый запах шнапса, ощутил, как его лица коснулся холодный воздух. Тело его сжалось: вот-вот грубые, безжалостные руки схватят его.

— *Nein!*¹ — резко бросил оберст.

Сол видел только его силуэт в снопе яркого света. Оберст шагнул вперед, а эсэсовцы торопливо отступили. Казалось, время замерло. Сол широко раскрытыми глазами смотрел на темную фигуру. Никто не произнес ни слова. Клубы пара от их дыхания висели в воздухе.

— *Komm!* — тихо сказал оберст.

Это прозвучало совсем не как команда — спокойно, почти нежно, словно кто-то звал любимую собаку или уговаривал младенца сделать первые неуверенные шаги.

---

¹ Нет! (*нем.*)

Сол стиснул зубы и закрыл глаза. Если они его тронут, он будет кусаться. Он вопьется им в глотку. Он будет грызть и рвать их вены и хрящи, и им придется стрелять, им придется стрелять, он заставит их...

— *Komm!* — Оберст слегка коснулся его колена.

Сол оскалил зубы.

«Ну, давай, гад, посмотришь, как я разорву твой рот и выгашу твои кишки...»

— *Komm!*

И тут Сол почувствовал *это*. Что-то ударило его, хотя никто из немцев не пошевелился и не сдвинулся ни на дюйм. Он взвизгнул от дикой боли. Что-то ударило, а потом *вошло* в него.

Сол чувствовал это так же отчетливо, как если бы кто-то загнал ему стальной штырь в тело. Но никто до него не дотронулся. Никто даже не приблизился к нему. Он снова издал звук, и тут его челюсти сомкнулись, будто их сжала невидимая сила.

— *Komm her, du, Jude!*¹

Сол *чувствовал это*. Что-то вошло в него, рывком выпрямило спину, отчего его руки и ноги беспорядочно задержались. *Это* было в нем. Его мозг стиснули, словно щипцами, и сжимали, сжимали... Сол попытался крикнуть, но *это* не позволило ему. Он дико заметался на соломе, мысли заработали вразнобой, моча потекла по штанине. Потом тело его неестественно выгнулось, и он шлепнулся на пол. Охранники сделали шаг назад.

— *Steh auf!*²

Тело Сола снова выгнулось, его подкинуло, он поднялся на колени. Руки тряслись и метались сами по себе. Он чувствовал чьето холодное присутствие в своем мозгу, нечто завернутое в сверкающий кокон боли. Какие-то образы плясали перед его взором.

Сол встал.

— *Geh!*³

Он услышал, как один из охранников хрипло рассмеялся, ощутил запах сукна и стали, уколы холодных заноз под ногами. Он метнулся в сторону открытой двери — прямоугольника белого слепящего света. Оберст спокойно пошел за ним, похлопывая себя перчаткой по ноге. Сол споткнулся на скользких ступеньках

---

¹ Иди сюда, ты, еврей! (*нем.*)

² Вставай! (*нем.*)

³ Пошел! (*нем.*)

и чуть не упал, но невидимая рука, сжавшая его мозг и огненными иглами прожегшая тело, заставила его выпрямиться. Не чувствуя холода, он пошел босиком по снегу и смерзшейся грязи впереди остальных к ожидавшему грузовику.

«Я буду жить», — подумал Соломон Ласки, но магический этот ритм распался на куски и улетел, сметенный ураганом беззвучного ледяного смеха и воли, стократ сильнее, чем его собственная.